

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА 1989. - 24 июня - С. 6.

Почитание культуры — почитание человека

Случилось так, что я родился на шесть лет раньше, чем родилась Советская власть. На своем горбу и своим желудком я прочувствовал всю «панораму поисков» социалистической экономики.

Опытов было много, все они провалились. Провалялись не потому, что были неразумны или безграмотны, а потому, что никак не соответствовали культуре общества, его духовному состоянию, самому качеству личных интересов людей. Отставить на второй план личные интересы человека ради общественных удавалось лишь на словах.

Первым в панораме «экономических экспериментов» был военный коммунизм: делилось поровну все. Помню, как «трудоу коллектив» делил между собой краюху хлеба, большую рыбину, кусок мяса или сахарную голову. Старались быть честными, но было уже очевидно, что выживают ловкачи без совести. В теплушках отпоявлялись в Сухиничи или Ташкент («Город хлебный!»), меняли бальные туфли, платки, визитные брюки, лампы, гусарские сапоги, зеркала на кусок хлеба, горсть зерна, чтобы не умереть.

Спас всех один человек. Один! Но он был Ленин! Новая экономическая политика. В магазинах появились товары. Но для того, чтобы их покупать, нужны деньги, их надо зарабатывать. Это нелегко, особенно тем, кто уже привык захватывать.

...Выгнать из собственного дома Станиславского, сжечь скромную усадьбу Блока, «уплотнить», а потом и совсем выдавить из России Шаляпина, сбросить со второго этажа рояль Рахманинова... Это было чуждо идеям пролетарской Революции, но это и не пресекалось. Уже был нарабатан инстинкт «захвата».

Те, кто считал своим правом «захватывать», были очень недовольны нэпом. Недовольны потому, что новая экономическая политика

понуждала приучаться к труду. «Нэпман» стало презрительной кличкой. И, когда случилось горе (я имею в виду январь 1924 года), остракизм стал политическим кредо по отношению к тем, кто по идее Ленина способствовал подъему экономики.

Началось колхозное строительство. Для того, чтобы уничтожить мелкие товарные хозяйства, надо было насильно отнять («захватить») у крестьянина землю, скот, а иногда и жизнь.

Снова голод. Общепризнанное страдание, которое принесла война, заставило забыть о психологии «захвата». Великая нравственность объединила народ. Спасали Отечество. Но когда война кончилась, вновь возникла целая вереница идей и планов. Химизация, мелиорация, квадратная, гнездовая «кукурузоизация», целая серия «продовольственных программ». Все рассчитано на атаку, быстрый результат, и все рушится, бунсует, проваливается. Неплохие сами по себе эти планы в отрыве от культуры, от умения трудиться активно решать судьбу страны не могли.

Семьдесят лет — срок немалый, чтобы это понять.

Я с детства знаю, что такое «базис» и что — «надстройка». Видел, как сепаратная постройка «базиса» вне заботы о «надстройке» перманентно проваливалась. Семьдесят лет неудачного «базисного» строительства втоптали в грязь культуру. Из грязи появился дракон о двух головах: одна — ложь, другая — воровство. Поклоняясь дракону, привыкли жить многие, сверху (с самого верха) донизу. Человека

с его судьбой, честью, психологией, личными способностями, интересами, общественным состоянием, идеалами с презрением относили к параграфу «надстройка».

Культура — это не образованность и не образование, не наука и просвещение, это даже не искусство. Корень слова предпочтительнее всего переводить, как **почитание**. Можно почитать природу, богов, одного человека, «золотого тельца»... Наш идеал — социализм, товарищество людей, их общность. Значит, почитание человеком человека, его творческого, нужного людям труда, ибо какой же это человек без созидательного труда?

Культура — духовная организация общества. Можно ли отставлять ее на последнее место, говорить о ней скороговоркой?

Увы, именно так говорят и сейчас самые уважаемые политики, экономисты, военные юристы, ученые, даже идеологи. Скажу горше: у нас отсутствует не только культура, отсутствует потребность в ней. У всех, почти у каждого из нас. Ибо она не узаконена.

Отсутствие почитания человека, внимания к нему, умения слышать друг друга, совесть и заботливость, уважительность и корректность, личная духовная ответственность — «все прахом пошло, все погибло!», как поется в «Хованщине» М. Мусоргского.

Наивно думать, что возможно заклинаниями или пустыми, формальными призывами создать новую, действительно социалистическую культуру. Она рождается,

**Борис
Покровский,**
народный депутат
СССР, главный режиссер
Московского камерного
музыкального театра

впитывается людьми на основе **определенных законов** производственных, деловых, личных и общественных **взаимоотношений**. Мечтая о правовом государстве, нужно в области культуры определить не только права граждан, но и их **обязанности**. Мы научились сваливать свое невежество на «кого-то» — оправдываем пьяниц («пьют от трудной жизни!»), курильщиков и наркоманов («у них стрессовые состояния!»), хулиганов (у них нет клубов, с ними никто не занимается) и не испытываем чувства стыда от всей этой безответственной чепухи.

Нравственность! Ее главный компонент — совесть. Совесть сурова и жестока. К ней надо не призывать, к ней надо приучать, за отсутствие ее карать. Здесь не может быть «коллективной ответственности», довольно! Какой смысл в коллективе безответных «винтиков», общество должно созидать личность, людей **лично ответственных**. На любом посту, в любых обстоятельствах, любого возраста.

Старые законы появлялись вне заботы о культуре нации, напротив, они ее разрушали. Разрушают и теперь. Культурные связи людей по невежеству (или, может быть, сознательно?) уничтожаются

законами общественных отношений.

Примеров может быть тысячи. Все они закономерны. Четвертый реактор будет взрываться, на обочинах скверных дорог будут валяться только что полученные из-за рубежа новенькие сельхозмашины, за заводскими заборами будет гнить новое оборудование, детей будут заражать из-за нежелания как следует прокипятить многообразный шприц, Арал, Байкал, Каспийское и Черное моря будут уничтожаться, законы правительства не будут исполняться, если никто не будет виноват! Мы научились находить «причину» в «стрелочниках», все чаще мы во всем обвиняем правительство, требуем от него всего, и ничего — от своей совести.

Разрыв путепровода, гибель людей мы объясняем техническими причинами, тогда как это взрыв бескультурья и причина его — в бессовестности, необязательности труда.

Думали ли об этом юристы, всезнающие экономисты и решительные политики, когда слишком энергично толпились у трибуны Съезда и равнодушно затихали при редких (ох, сколь редких!) словах о культуре?

Слову «культура» было неуютно на Съезде. Неуютно было ему и на заседаниях Верховного Совета. При организации комиссий и комитетов просто не знали, куда пристроить эту «надстроечку». А между тем именно она организует нас.

Для того, чтобы создалась культура межчеловеческих взаимоотношений, надо создать законы, цементирующие

социалистическое сообщество людей, а не разрушающие их.

В центре работы Верховного Совета, **обоих его палат**, должно стоять многообразие воспитания советского человека, сохранение того малого, что еще осталось от культуры прошлого. Совет обязан способствовать росту новых побегов духовной жизни и обязательно профильтровать все законы с точки зрения нравственного благополучия общества. Законами должны быть созданы такие производственные, общественные, деловые отношения, которые сделают **лично выгодной** для каждого советского человека честность и честь, совесть и обязанность почитать не только отца и мать свою, но каждого члена общества. Безнравственность должна быть объявлена вне закона.

Культуре полагается парить над обществом; ее крылья — просвещение и искусство. Состояние их жалкое, отношение к ним потребительское. От искусства ждут отдыха, развлечения и отвлечения, забывая, что в первую очередь это — в высшей степени сложный процесс познания мира и человека через образы прекрасного. Воспринимать их надо учиться.

«Я в музыке ничего не понимаю» — я не раз слышал эту фразу от снисходительно настроенного начальства, увенчанного короной номенклатуры. Работники искусства уже не ждут от разоренного этой короной государства материальной (даже малой!) помощи; хотя бы получить моральную поддержку, толику престижа, уважения

и внимания к заботам об одухотворении людей. Тревожно, что потеряна потребность в искусстве.

К музыкальному театру, концентрирующему высшие духовные, идеологические, смысловые коллизии жизни, глухо современное большинство — от поденного разнорабочего на сортировочной железнодорожной станции до члена Политбюро. Это данность, печальный пример для тех, кто осуществляет Советскую власть на местах, кто руководит печатью, учебными заведениями.

Случайно ли, что среди депутатов Съезда слышны были голоса против избранных различных творческих организаций? Откуда, дескать, среди вас — руководителей страны (!) — появились художники, музыканты, архитекторы, режиссеры, актеры? Почему тут «надстроечники»?

Показательный и печальный факт! Депутаты (постарайтесь не обижаться!), если мы не одухотворены искусством, как сможем управлять государством, страной? По примерам семидесяти прошедших лет?

Я видел крепкого мужчину, дающего телевидению интервью перед началом Съезда. Он сказал, что ему от Съезда только и надо, чтобы можно было в продуктовых магазинах покупать все, что он захочет.

Больше ему ничего не надо! Бог с ним. Не верю, что Верховный Совет великой страны посмеет ограничить этим сферу потребностей и надежд народа. Не верю, что перестройку можно выиграть лишь экономикой. Не выйдет, как не выходило семьдесят лет! Снова даст себя знать нищета духа.

Социалистическая цивилизация — это новая форма взаимоотношения тружеников. С нею люди обретут подлинную, а не фальшивую радость жизни. С нею и расцветут все экономические и юридические идеи, пока столь неуживчивые, проблематичные.